

Л.М. Лопатин

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 100

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л.М. Лопатин**
Вопросы философии и психологии: Книга 100 / Л.М. Лопатин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 275 с.

ISBN 978-5-458-04748-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04748-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Русская идея ¹⁾.

Переводъ съ французскаго. Г. А. Рачинскаго.

Цѣль этихъ страницъ не въ томъ, чтобы сообщить какія-либо подробности о современномъ положеніи Россіи, исходя изъ того предположенія, что она является страной неизвѣстной Западу, страной, о которой на Западѣ имѣютъ ложныя представленія.

Не говоря уже о многочисленныхъ переводахъ, которые сроднили Европу съ образцовыми произведеніями нашей литературы, мы видимъ теперь, въ особенности во Франціи, выдающихся писателей, поставившихъ себѣ цѣлью ознакомленіе европейской публики съ Россіей и выполняющихъ это дѣло много лучше, чѣмъ это быть можетъ удалось бы русскому. Приведу только два французскихъ имени: Анатоль Леруа-Болье далъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи „Имперія царей“ весьма правдивое, весьма полное и прекрасно составленное изложеніе нашего политическаго, общественнаго и религіознаго положенія, а виконтъ де-Вогюэ въ цѣломъ рядѣ блестящихъ работъ, по-

¹⁾ Настоящая статья представляетъ переводъ доклада, прочитаннаго Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ въ 1888 году въ Парижѣ на французскомъ языкѣ кружку лицъ, интересовавшихся затронутыми въ немъ вопросами. Въ томъ же году „Русская идея“ была отпечатана отдѣльной брошюрой и выпущена въ свѣтъ парижскимъ книгоиздательствомъ „Librairie académique Didier—Perrin et Co“. По содержанию своему статья стоитъ въ тѣсной связи съ вышедшей въ концѣ того же 1888 года книгой Соловьева „La Russie et l'Église universelle“, представляющей краткое изложеніе неаписанныхъ авторомъ второй и третьей частей „Истории и будущности теократіи“. Статья появляется въ первый разъ на русскомъ языкѣ.

Переводчикъ.

священныхъ русской литературѣ, отнесся къ своему предмету не только, какъ знатокъ его, но и какъ энтузіастъ.

Благодаря этимъ писателямъ и еще многимъ другимъ, просвѣщенная часть европейской публики должна быть достаточно ознакомлена съ Россіей во всемъ, что касается многообразныхъ сторонъ ея реального существованія. Но это знакомство съ русскими дѣлами оставляетъ всегда открытымъ вопросъ другого порядка, весьма затемненный многушественными предразсудками, вопросъ, который и въ самой Россіи въ большинствѣ случаевъ получалъ лишь нелѣпый разрѣшенія. Безполезный въ глазахъ нѣкоторыхъ, слишкомъ смѣлый по мнѣнію другихъ, этотъ вопросъ, въ дѣйствительности является самымъ важнымъ изъ всѣхъ для русскаго, да и внѣ Россіи онъ не можетъ показаться лишеннымъ интереса для всякаго серьезно мыслящаго человѣка. Я имѣю въ виду вопросъ о *смыслѣ существованія Россіи* во всемирной исторіи.

Когда видишь, какъ эта огромная имперія съ бѣльшимъ или меньшимъ блескомъ въ теченіи двухъ вѣковъ выступала на міровой сценѣ, когда видишь, какъ она по многимъ второстепеннымъ вопросамъ приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другимъ болѣе важнымъ, сохраняя такимъ образомъ оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тѣмъ не менѣе своеобразнаго величія,—когда видишь этотъ великій историческій *фактъ*, то спрашиваешь себя: какова же та *мысль*, которую онъ скрываетъ за собою или открываетъ намъ; каковъ *идеальный* принципъ, одушевляющій это огромное тѣло. какое новое *слово* этотъ новый народъ скажетъ человечеству; что желаетъ онъ *сдѣлать* въ исторіи міра? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ мы не обратимся къ общественному мнѣнію сегодняшняго дня, что поставило бы насъ въ опасность быть разочарованными событиями послѣдующаго дня. Мы поищемъ отвѣта въ вѣчныхъ истинахъ религіи. Ибо *идея наци* есть не то, что она сама думаетъ о себѣ во времени, но то, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности.

I.

Разъ мы признаемъ существенное и реальное единство человѣческаго рода,—а признать его приходится, ибо это есть религиозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой,—разъ мы признаемъ это субстанціональное единство, мы должны разсматривать человѣчество въ его цѣломъ, какъ великое собирательное существо или социальный организмъ, живые члены котораго представляютъ различныя наци. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что ни одинъ народъ не можетъ жить въ себѣ, чрезъ себя и для себя, но жизнь каждаго народа представляетъ лишь опредѣленное участіе въ общей жизни человѣчества. (Органическая функция, которая возложена на ту или другую націю въ этой вселенской жизни,—вотъ ея истинная національная идея, предвѣчно установленная въ планѣ Бога.)

Но если человѣчество и дѣйствительно представляетъ нѣкоторый большой организмъ, то не слѣдуетъ забывать однако, что мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣла съ организмомъ чисто физическимъ, и слѣдуетъ помнить, что члены и элементы, изъ коихъ онъ состоитъ—наци и индивиды—суть существа моральные. А коренное условие моральнаго существа лежитъ въ томъ, что особая функция, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, которою опредѣляется его существование въ мысли Бога, никогда не выступаетъ въ качествѣ матеріальной необходимости, но только въ формѣ моральнаго обязательства. Мысль Бога, являющаяся безусловнымъ рокомъ для вещей, для существа моральнаго только долгъ. Но хотя и очевидно, что долгъ можетъ быть выполненъ или не выполненъ, можетъ быть выполненъ хорошо или дурно, можетъ быть принятъ или отвергнутъ, невозможно съ другой стороны допустить, чтобы эта свобода могла измѣнить провиденціальныи планъ или лишитъ моральный законъ его дѣйственности. Моральное воздѣйствіе Бога не можетъ быть

менѣе могущественнымъ, чѣмъ его физическое воздѣйствіе. Поэтому слѣдуетъ признать, что въ мірѣ моральномъ есть также роковая необходимость, но роковая необходимость косвенная и обусловленная. Призваніе или та особая идея, которую мысль Бога полагаетъ для каждаго моральнаго существа—индивида или націи—и которая открывается сознанию этого существа, какъ его верховный долгъ, — эта идея дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ какъ реальная мощь, она опредѣляетъ во всѣхъ случаяхъ бытіе моральнаго существа, но дѣлаетъ она это двумя противоположными способами: она проявляется, какъ законъ жизни, когда долгъ выполняется, и какъ законъ смерти, когда это не имѣло мѣста. Моральное существо никогда не можетъ освободиться отъ власти божественной идеи, являющейся смысломъ его бытія, но отъ него самого зависитъ носить ее въ сердцѣ своемъ и въ судьбахъ своихъ, какъ благословеніе или какъ проклятіе.

Только что сказанное мною есть общее мѣсто или должно было бы быть таковымъ для всякаго—я не скажу христіанина—но хотя бы монотеиста. И дѣйствительно противъ этихъ мыслей не находятъ никакихъ возраженій, когда онѣ предлагаются въ общихъ формахъ; протестъ обычно бываетъ направленъ противъ примѣненія ихъ къ національному вопросу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ общее мѣсто внезапно превращается въ мистическую мечту, и аксіома становится субъективной фантазійей. „Кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо націи, кто можетъ говорить народу о его долгѣ? Проявлять свою мощь, преслѣдовать свой національный интересъ, вотъ все, что надлежитъ дѣлать народу, и долгъ патріота сводится къ тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей въ этой національной политикѣ, не навязывая ей своихъ субъективныхъ идей. А для того, чтобы узнать истинные интересы націи и ея дѣйствительную историческую миссію, есть только одно вѣрное средство, это—спросить у самого народа, что онъ объ этомъ думаетъ, призвать на совѣтъ общественное

мнѣніе?“ Однако, есть нѣчто странное въ этомъ, повидимому, столь здоровомъ сужденіи.

Это эмпирическое средство узнать истину рѣшительно непримѣнимо тамъ, гдѣ мнѣніе нации дробится, что имѣеть мѣсто почти всегда. Какое изъ общественныхъ мнѣній Франціи есть истинное: мнѣніе католиковъ или мнѣніе франъ-масоновъ? И разъ я русскій, какому изъ національныхъ мнѣній долженъ я пожертвовать моими субъективными идеями: мнѣнію официальной и офиціозной Россіи, *Rossii настоящаго*, или тому мнѣнію, которое исповѣдуютъ нѣсколько милліоновъ нашихъ старовѣровъ, этихъ истинныхъ представителей традиціонной Россіи, *Rossii прошлаго*, для которыхъ наша церковь и наше государство въ ихъ настоящемъ видѣ суть царство Антихриста; а то, можетъ быть, не обратиться ли намъ еще и къ нигилистамъ: вѣдь они, быть можетъ, являютъ собой *будущее* Россіи

II.

Мнѣ не зачѣмъ настаивать на этихъ трудностяхъ, разъ исторія даетъ въ подтвержденіе моего положенія доказательство прямое и общеизвѣстное. Если въ философіи исторіи вообще есть твердо установленныя истины, то таковой слѣдуетъ считать то положеніе, что конечное призваніе еврейскаго народа, истинный смыслъ его существованія существенно связаны съ мессіанской идеей, т.-е. съ идеей христіанской. Однако, не похоже на то, чтобы общественное мнѣніе и національное чувство евреевъ было особенно благорасположено къ христіанству. Я не хочу обращаться съ избитыми упреками къ этому единственному въ своемъ родѣ и таинственному народу, который въ концѣ-концовъ вѣдь есть народъ пророковъ и апостоловъ, народъ Іисуса Христа и Пресвятой Дѣвы. Этотъ народъ еще живъ и по словамъ Новаго Завѣта его ожидаетъ полное возрожденіе и обновленіе: „Весь Израиль спасется“ (Рим., XI, 26). И я считаю нужнымъ сказать, хотя и не могу доказать

здѣсь правоты своего утверждения ¹⁾:— „ожесточеніе“ евреевъ не есть единственная причина ихъ враждебнаго положенія по отношенію къ христіанству. Въ Россіи въ особенності, гдѣ никогда не дѣлали попытки приложить къ евреямъ начала христіанства, осмѣлимся ли мы потребовать отъ нихъ, чтобы они были болѣе христіанами, чѣмъ мы сами? Я хотѣлъ только напомнить тотъ замѣчательный историческій фактъ, что народъ, предназначенный даровать міру христіанство, выполнилъ эту миссію лишь противъ воли своей, что въ громадномъ большинствѣ своемъ и въ теченіи восемнадцати вѣковъ онъ упорно отметаеъ божественную идею, которую онъ носилъ въ лонѣ своемъ и которая была истиннымъ смысломъ его существованія. Посему не можетъ уже считаться дозволеннымъ теперь говорить, что общественное мнѣніе наци всегда право, и что народъ никогда не можетъ заблуждаться въ своемъ истинномъ призваніи или отвергать его.

Но быть можетъ этотъ приведенный мною историческій фактъ самъ представляетъ лишь религіозный предразсудокъ, и роковая связь, предполагаемая между судьбами израильскаго народа и христіанствомъ—лишь субъективная фантазія? Я могу привести, однако, чрезвычайно простое доказательство, ярко освѣщающее реальныи и объективный характеръ приведеннаго нами факта.

Если взять нашу христіанскую Библию, собраніе книгъ, начинающееся книгой Бытія и кончающееся Апокалипсисомъ, и разобрать ее помимо какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, какъ простой историческій и литературный памятникъ, то мы принуждены будемъ признать, что передъ нами произведение законченное и гармоничное: созданіе неба и земли и паденіе челоуѣчества въ лицѣ перваго Адама—въ началѣ, возстановленіе челоуѣчества въ лицѣ второго Адама или Христа—въ центрѣ, и въ концѣ—

¹⁾ Я пытался сдѣлать это въ двухъ этюдахъ по еврейскому вопросу, изъ которыхъ одинъ былъ подвергнутъ разбору въ „Revue française“, сентябрь и октябрь 1886.

апокалиптический апофеозъ, созданіе неба новаго и земли новой „въ нихъ же правда живетъ“, откровеніе преображеннаго и прославленнаго міра, Новаго Іерусалима, нисходящаго съ небесъ, скинии, гдѣ Богъ съ людьми обитаетъ (Апок. XXI). Конецъ произведенія связанъ здѣсь съ началомъ, созданіе міра физическаго и исторія человѣчества объяснены и оправданы откровеніемъ міра духовнаго, представляющаго совершенное единеніе человѣчества съ Богомъ. Дѣло завершено, кругъ замкнулся, и даже съ чисто эстетической точки зрѣнія ощущается удовлетвореніе. Посмотримъ теперь, какъ заканчивается Библия евреевъ. Послѣдняя книга этой Библии есть „Дибрэ—га—ямимъ“, книга Паралипоменонъ, и вотъ заключеніе послѣдней главы этой книги: „Такъ говоритъ Киръ, царь Персидскій: „Всѣ царства земли далъ мнѣ Ягве, Богъ небесный; и Онъ повелѣлъ мнѣ построить ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ—изъ всего народа Его? Да будетъ Ягве, Богъ его, съ нимъ и пусть онъ туда идетъ!“ Между этимъ заключеніемъ и заключеніемъ христіанской Библии, между словами Христа во славу Его: „Я Альфа и Омега, начало и конецъ; я даю жаждущему отъ источника воды живой даромъ; побѣдившій унаслѣдуетъ все, и Я буду его Богомъ и онъ будетъ Мнѣ сыномъ“, между этими словами и словами царя персидскаго, между этимъ домомъ, который надлежитъ воздвигнуть во Іерусалимѣ іудейскомъ, и жилищемъ Бога и съ нимъ людей въ новомъ Іерусалимѣ, сходящемъ съ небесъ, контрастъ воистину поразительный. Съ точки зрѣнія евреевъ, отвергающихъ великую универсальную развязку своей національной исторіи, открытую въ Новомъ завѣтѣ, пришлось бы признать, что сотвореніе неба и земли, призваніе, возложенное на патріарховъ, миссія Моисея, чудеса Исхода, откровеніе на Синаѣ, подвиги и гимны Давида, мудрость Саломона, вдохновеніе пророковъ—что всѣ эти чудеса и вся эта святая слава привели въ концѣ-концовъ лишь къ манифесту языческаго царя, повелѣвающаго горсткѣ евреевъ выстроить второй Іеруса-

лимскій храмъ, тотъ храмъ, бѣдность котораго по сравненію съ великолѣпіемъ перваго вызвала слезы у старцевъ Іудей, и который впослѣдствіи былъ расширенъ и украшенъ Идумейцемъ Иродомъ лишь для того, чтобы быть окончательно разрушеннымъ солдатами Тита. Итакъ, не субъективный предразсудокъ христіанина, а памятникъ національной мысли самихъ евреевъ ясно доказываетъ, что внѣ христіанства историческое дѣло Израиля потерпѣло крушеніе, и что слѣдовательно народъ можетъ при случаѣ не понять своего призванія.

III.

Я не отклонился отъ своего предмета, говоря о Библии евреевъ. Ибо въ этой прерванной Библии въ этомъ контрастѣ величественнаго начала и жалкаго конца есть нѣчто, напоминающее мнѣ судьбы Россіи, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія исключительно націоналистической, господствующей у насъ въ данное время и соединяющей въ молчаливомъ согласи Каиафъ и Иродовъ нашей бюрократіи съ зилотами воинствующаго панславизма.

Дѣйствительно, когда я думаю о пророческихъ лучахъ великаго будущаго, озарявшихъ первые шаги нашей исторіи, когда я вспоминаю о благородномъ и мудрому актѣ національнаго самоотреченія, создавшемъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ русское государство въ дни, когда наши предки, видя недостаточность туземныхъ элементовъ для организациі общественнаго порядка, по своей доброй волѣ и по зрѣлому размышленіи призвали къ власти скандинавскихъ князей, сказавъ имъ достопамятныя слова: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и владѣть нами“. А послѣ столь оригинальнаго установленія матеріальнаго порядка не менѣ замѣчательное водвореніе христіанства и великолѣпный образъ Св. Владимира, усерднаго и фанатическаго поклонника идоловъ, который, почувствовавъ неудовлетворительность язычества и испытывая внутреннюю потребность въ истинной рели-

гій, долго размышлялъ и совѣщался, прежде чѣмъ принять эту послѣднюю, но, ставъ христианиномъ, пожелалъ быть имъ на самомъ дѣлѣ и не только отдался дѣламъ милосердія, ухаживая за больными и бѣдными, но проявилъ большее проникновеніе евангельскимъ духомъ, чѣмъ крестившіе его греческіе епископы; ибо этимъ епископамъ удалось только путемъ утонченныхъ аргументовъ убѣдить этого, вѣкогда столь кровожаднаго, князя въ необходимости примѣнять смертную казнь къ разбойникамъ и убійцамъ: „Божюсь грѣха“, говорилъ онъ своимъ духовнымъ отцамъ. И затѣмъ, когда за этимъ „краснымъ солнышкомъ“,—такъ народная поэзія прозвала нашего перваго христіанскаго князя,—когда за этимъ краснымъ солнышкомъ, озарявшимъ начало нашей исторіи, послѣдовали вѣка мрака и смуть, когда послѣ долгаго ряда бѣдствій, оттѣсненный въ холодные лѣса сѣверовостока, притупленный рабствомъ и необходимостью тяжелаго труда на неблагодарной почвѣ, отрѣзанный отъ цивилизованнаго міра, едва доступный даже для пословъ главы христіанства ¹⁾, русский народъ опустился до грубаго варварства, подчеркнутаго глупой и невѣжественной національной гордостью, когда, забывъ истинное христіанство Св. Владиміра, московское благочестіе стало упорствовать въ нелѣпыхъ спорахъ объ обрядовыхъ мелочахъ, и когда тысячи людей посылались на костры за излишнюю привязанность къ типографскимъ ошибкамъ въ старыхъ церковныхъ книгахъ,—внезапно въ этомъ хаосѣ варварства и бѣдствій подымается колоссальный и единственный въ своемъ родѣ образъ Петра Великаго. Отбросивъ слѣпой национализмъ Москвы, проникнутый просвѣщеннымъ патриотизмомъ, видящимъ истинныя потребности своего народа, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы внести, хотя бы насильственно, въ Россію ту цивилизацію, которую она презирала, но которая была ей необходима; онъ не только призываетъ эту чу-

¹⁾ Смотри интересный этюдъ отца Пирлига, Римъ и Москва, 1547—1579.

жду ю цивилизацію, какъ могучій покровитель, но самъ идетъ къ ней, какъ смиренный служитель и прилежный ученикъ; и несмотря на крупныя недочеты въ его характерѣ, какъ частнаго лица, онъ до конца являетъ достойный удивленія примѣръ преданности долгу и гражданской доблести. И вотъ, вспоминая все это, говоришь себѣ: сколь велико и прекрасно должно быть въ своемъ конечномъ осуществленіи національное дѣло, имѣвшее такихъ предшественниковъ, и какъ высоко должна, если она не хочетъ упасть, ставить свою цѣль страна, имѣвшая во времена своего варварства своими представителями Св. Владиміра и Петра Великаго. Но истинное величіе Россіи—мертвая буква для нашихъ лже-патріотовъ, желающихъ навязать русскому народу историческую миссію на свой образецъ и въ предѣлахъ своего пониманія. Нашимъ національнымъ дѣломъ, если ихъ послушать, является нѣчто, чего проще на свѣтѣ не бываетъ, и зависитъ оно отъ одной единственной силы—силы оружія. Добить издыхающую оттоманскую имперію, а затѣмъ разрушить монархію Габсбурговъ, помѣстивъ на мѣстѣ этихъ двухъ державъ кучу маленькихъ независимыхъ национальныхъ королевствъ, которыя только и ждутъ этого торжественнаго часа своего окончательнаго освобожденія, чтобы броситься другъ на друга. Дѣйствительно, стоило Россіи страдать и бороться тысячу лѣтъ, становиться христіанской со Св. Владиміромъ и европейской съ Петромъ Великимъ, постоянно занимая при этомъ своеобразное мѣсто между Востокомъ и Западомъ, и все это для того чтобы въ послѣднемъ счетѣ стать орудіемъ „великой идеи“ сербской и „великой идеи“ болгарской!

Но, скажутъ намъ, не въ этомъ дѣло: истинная цѣль нашей національной политики это—Константинополь. Повидимому, грековъ уже перестали принимать въ расчетъ, а въѣдъ у нихъ есть тоже своя „великая идея“ панэллинизма. Но самое важное было бы знать, съ чѣмъ, во имя чего можемъ мы вступить въ Константинополь? Что можемъ мы